Как не раз публично признавался автор рецензируемой книги, в свое время он поступал в Литературный институт одновременно на три отделения: прозы, критики и поэзии. Не всякий решится на такую дерзость! Но, как мне кажется, говорит этот красноречивый факт не только о характере, но и о широте творческих устремлений. Причем устремлений вовсе не беспочвенных: на все эти три отделения Василий Киляков творческий конкурс прошел. Учился в семинаре прозы, но мастером у него был известный критик Михаил Лобанов. Видимо, потому-то мы и знаем Килякова, прежде всего, как сильного, не единожды отмеченного коллегами прозаика, который одновременно успешно работает как критик и эссеист («Записки пожившего человека»). Стихи он продолжал писать, но изредка, в стол. А с годами стал вроде бы даже стесняться их: непросто состоявшемуся писателю вдруг явить себя читателю начинающим стихотворцем…

Но Василий Киляков снова рискнул (характер!).

Отмечу сразу, что рецензируемый сборник добротно подготовлен к печати, с теплом и вку-

---

[1] От истока к устью: Стихотворения разных лет. — Воронеж, АО «Воронежская областная типография», 2021. — 168 с.

сом выстроен и оформлен (редактор-составитель и автор вступительной статьи Римма Лютая). Очень к месту пришлась в оформлении обложки картина Исаака Левитана «У омута», будто приглашающая нас из обыденности в мир несуетный, задумчиво-потаенный, первородный. В мир поэзии Килякова, где есть место мальчишескому удивлению и горькому гневу, перехватывающей дыхание нежности и молитве, философскому осмыслению сущего и... частушке. Да, именно частушке, растущей из самой гущи народной жизни — озорной и по-деревенски глазастой, зоркой:

Как у наших у ворот
Петух зернышки клюет,
Зазывает курочек,
Как мой милый — дурочек.

А рядом со звонкой частушкой, на той же улице — «вновь сирень плеснула в подоконник», «самолет позолоченной “бритвой” / перерезал окошко мое». А чуть дальше, за поворотом, на околице — «сентябрь, как крепкий терн на ветке». Казалось бы, мгновенное, сиюминутное — всего лишь касание, штрих, мазок — но и «картинка», одной строкою проявленный образ. Может, и не самый неожиданный, не поражающий воображение, но — свежий. Точный. Запоминающийся.

И тут же — не сноска, не скучный парафраз навязшего в зубах изречения, а — порыв, непридуманный жар сердечный: «Почувствуйся, остановись, мгновенье, / раскрой меня, как первый дождь — цветок!»

Такое отношение к действительности характеризует лирика. Василий Киляков лирик и есть. Лирик, но не токующий глухарь с завязанными глазами. И потому «видит» многое.

Я затеял себе костерок —
он дымком мои пальцы оближет...
Все короче отмерянный срок,
А земля — и страшнее, и ближе...

Он, проживая трагическое и окрыляющее, умеет вынести оттуда о жизни слова медленные, не позволяющие строке скользить мимо: «Но мне и в имени твоем / задумчивая власть...»

Его мысль напряжена — даже там, где сущее хочет казаться безоблачным: «Услышать моря шум беспечный, / почувствовать, как сумрак сжат...» Невозможно не заметить это «сумрак сжат». Потому что сжать сумрак не под силу физике ли, механике. Только поэзии — настоящей, непостижимой, извечным логическим путам неподвластной.

И даже то, о чем говорилось уже тысячи раз, звучит у Василия Килякова своим, не перепевом:

...Сверкала мысль — как солнце по ножу,
А где-то под столом пищали мыши...
Жена ему сказала: «Ухожу!» —
А он творил, он даже не услышал.
Друзья забыли, умерли враги...
Чернильница сочилась черным соком,
И бился ветер крыльями пурги
В косые стекла перемерзших окон...

Эта картина творческого забытья, «сотворения мира» при всей ее естественной условности зрима настолько, что мне, читателю, мучительно хочется тронуть пальцами это перемерзшее окно, продышать в нем хотя бы крохотный выводящий к свету пятачок-выход.

А где же берет начало это творческое виденье мира — мужественное, не закрывающее глаз при виде трагических изломов бытия, и в то же время — тонкое и сострадательное? Может быть, как это часто случается с людьми пишущими, — в детстве?

Вернется мама с рынка —
украдкой тихо поплачет:
заштопанные ботинки
текут... недодали сдачи...

Это любовь сыновняя — не эгоистичная, чуткая, окликающая душу. Она не уходит с годами, и душа растет вместе с ней:

Я помню, мама, ночь разлива
с огнями станций в глубине.
Твои глаза, как ветки ивы,
росой проплакали по мне.

Не это ли все вырастило и чувство иное, такое древнее и всякий раз новое, переполняющее сердце горячей кровью, не боящееся говорить, пусть даже скомкано и наивно, светлое и бережное?

Я постигаю этой жизни суть:
дышу морозной высотой карнизов
и бережно за пазухой несу
тебе весну: три стебелька ирисов.

Чувство это, туманящее голову, тоже умеет «взрослеть» — и, взяв за руку, вести к прозрениям:

Ты помнишь, Таня, желтые акации
И теплый пар, всходящий от земли?
Рука в руке мы шли с тобой со станции
И к старому погосту забрели —
И замерли...
Стояли мрачно ели, краснела храма битая стена,
И в пятнах водянистой акварели
Цвели венков крикливые тона.
Лежали вкось крестов косые тени...
И страшной тайной был нам в этот час
Печальный след угасших поколений
И тишина, связующая нас.

Это стихотворение нельзя было не привести полностью. Во-первых, потому, что, явленная предельно зримо, проступает в нем холодящая душу глубина, вобравшая весь свет и трагизм нашего земного бытования. А во-вторых, стихотворение это цельное, где и строки идут, подобно лирическим героям, «рука в руке», и невозможно, просто немилосердно их разорвать. Не стану, впадая в пафос, приискивать этому стихотворению некий классический ряд, но скажу, что оно меня очень порадовало и обнадежило. В современной поэзии немало «блесткого», но часто строка, как пресловутое бутылочное стеклышко на плотине, ударит по глазам — и нет ее, потерялась в пыли да бурьяне строк приблизительных, необязательных, придуманных. Такая строка может сказать нам о способностях автора, о даровании, но не более того. И только стихотворение цельное, где слово, чувство и мысль срослись, стали живым пульсирующим сгустком (не отражением!) сущего, скажет нам все о таланте поэта.

За пределами этих заметок осталось многое, и, конечно, не все из этого многого можно отнести к творческим удачам автора. Но зато все — и трепетно-лиричес-

кое, и яростно-публицистическое, и сокровенно-молитвенное — принадлежит именно Василию Килякову. И это не «поэзия прозаика» (по аналогии с имеющим явный оттенок снисходительности «зеркальным» определением «проза поэта»), а — поэзия без ворующих смысл оговорок и кавычек. Прожитая, не высосанная из пальца. Не без корявинок и щербинок, но — искренняя, без словесного картона и лака. В ней не так уж много обращающих на себя внимание восклицаний, поэтических максим, но когда они звучат, им веришь, к ним тянешься, сердцем чувствуя ставшую судьбой правду и веру поэта:

Всем бы донести свои кресты!
В русском поле тех не счесть крестов...
В троеперстье сложены персты —
Ко всему я, Господи, готов.

□ □